
МЕРИ ЛИ
ВЗАПЕРТИ
18+

Мери Ли

Взаперти

«Автор»
2026

Мери Ли

Взаперти / Мери Ли — «Автор», 2026

Группа журналистов отправляется в закрытый город, где три года назад произошла страшная трагедия, чтобы убедиться и подтвердить — за высокими стенами никого нет. Но оказавшись внутри, они неожиданно замечают признаки жизни. С этого момента все идет наперекосяк. Прибывшие люди теперь не просто журналисты. Они — корм для хищников, захвативших город-призрак.Однотомник.

© Мери Ли, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава первая 12
Глава вторая 17
Глава третья 23
Глава четвертая 27
Глава пятая 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Мери Ли
Взаперти

Пролог

(Санта-Марио. Тюремный комплекс номер 3.
Через три часа после происшествия на Ниагаре.)
***

Массивная дверь тюремной камеры с противным скрежетом отъехала в сторону, но заключенного это не беспокоило. Осужденный на неизвестный срок, который был ближе к пожизненному, нежели к адекватным цифрам, продолжил отжиматься, ведя отсчет на подъеме.

– Восемьдесят девять. – Опустившись, он заметил, как надзиратель шагнул в камеру. – Девяносто, – выдохнул Нокс.

– Заключенный номер триста двенадцать, встать лицом к стене, руки завести за спину ладонями ко мне, – командным голосом приказал надзиратель.

Алан Нокс не прекратил отжиматься и попытался вспомнить говорящего. Это не Фрэнки или Лоренцо, которые практически не уходят на отдых, а пашут в этом апогее потерянных душ уже больше десяти и тринадцати лет соответственно.

– Я не закончил, – сказал он, продолжая считать про себя и исподлобья наблюдать за шагами неизвестного ему охранника.

– Заключенный номер триста двенадцать, встать!

Нокс ненавидел незавершенные дела. Они, как назойливые мухи, маячили перед глазами, не давая полностью сконцентрироваться на других вещах. Фрэнки и Лоренцо знали об этом, а новый хрен пойми кто, видимо, чересчур чувствовал свое превосходство перед заключенным и не очень понимал, с кем говорит.

Нокс услышал треск электрошокера за мгновение до того, как аппарат вжался ему в поясницу, и тело прошибла слишком долгая болезненная волна. Он рухнул на пол, успев повернуть лицо в сторону, чтобы не разбить нос.

Вот гандон.

Нокс перевернулся на спину и, прикрыв глаза, думал о том, чтобы не свернуть новичку шею. Это событие со стопроцентной вероятностью увеличит срок его заключения. Да, Нокс не понимал, как долго будет находиться за решеткой, но не терял надежду на освобождение. Кроме этого, он опасался, что может стать чудовищем, как парни из его отряда. Нужно держать себя в руках и не выпускать из клетки желание отрывать неприятным людям конечности. Но мысленно он себе это позволил. Дважды.

– Вставай! К стене! – проревел надзиратель.

Нокс открыл глаза и посмотрел на тучного мужчину в темно-зеленой форме. Он так и не опустил шокер, более того, засунул один палец за петлю на брюках. Пожалел бы бедные кусочки ткани, они и так с трудом удерживают свисающий живот, а глупец их еще и пальцами оттягивает. Безусловно, чтобы показаться главным, уверенным и бесстрашным, подумал Нокс, усаживаясь. Поза павлина позабавила бы Алана, если бы он был в хорошем расположении духа. Но настроение безвозвратно испортилось с электрическим разрядом.

– Как тебя звать, великий владелец шокера? – спросил он, внимательно наблюдая за пунцовым лицом с маленькими карими глазами.

Ноздри надзирателя норовили треснуть от натуги. Он злился.

– Встать!

– Хрен с тобой, – пробурчал Нокс и выполнил приказ, думая о том, что ему оставалось всего лишь три отжимания за утренний присест. Кроме этого, у него было еще одно незаконченное дело. Он бросил печальный взгляд на недочитанную книгу и мысленно пообещал ей вернуться.

Он поднялся и подошел к стене, сложил руки за спиной и уже через мгновение на его запястьях защелкнулись наручники.

Нокса не выводили из камеры уже слишком давно. И этот поход обещал быть как минимум интересным времяпрепровождением. Он был бы рад провести прогулку в компании Лоренцо и послушать очередной рассказ про его огромную по среднестатистическим меркам семью, но приходилось мириться с тем, что имеется – с недовольным павлином, тяжело шаркающем позади.

Алан старался не смотреть по сторонам, от изобилия серости его уже тошнило. В месте его пребывания все было таких тонов: стены, пол, потолок, решетки, постельное, роба, посуда, лица, даже обложки книг, что ему передавали, были намертво заклеены серым скотчем. Единственное, что раскрашивало жизнь Алана Нокса в иной цвет, – ежедневная порция бордовой крови, что ему приносили на заре перед отбоем.

Директору от него что-то нужно. Что именно, Нокс не знал, но с удовольствием бы это выяснил.

Прошло уже три года, как Алан пребывал в месте, куда отправляли отъявленных негодяев: маньяков разных мастей, убийц, психбольных, которые не поддавались лечению, или таких, как он, – бывших военных, вставших поперек горла нынешнему правительству. Вроде и убить жалко, отпустить невозможно и тащить не хочется.

Нокс не забывал ни на мгновение, что не только это стало причиной лишить его свободы. Он уже не был обычным гражданином общества…

Пожертвовал жизнью и заразился, чтобы спасти капитана и его дочь.

Что капитан сделал в ответ?

Первое. Закрыл Нокса в тюрьме на неопределенный срок и стал поставщиком крови. За второе, разумеется, Нокс был благодарен, ведь отсутствие крови в рационе делает его крайне неприятной личностью.

Второе. Оградил его от внешнего вмешательства. Полностью. Никаких новостей извне Алан не получал три года, лишь легкая болтовня Лоренцо и Фрэнка могла проскочить сквозь решетку. Именно этим путем Нокс узнал, что в стране сменился президент и на посту сейчас находится некая леди. Также он стал счастливым обладателем совершенно не интересующих его новостей. К примеру, какая из футбольных и баскетбольных команд порадовали фанатов, о пожаре на Мейн-стрит в прошлом месяце, о нововведении в пенсионной реформе у служащих. То есть Нокс получал сугубо ту информацию, которой интересовались его надзиратели.

Третье. Книги. Самое приятное из того, что капитан сделал для Нокса за спасение, – бесконечная доставка книг. О чем он только не прочитал за эти годы. Начиная от трудов философов и научных книг, до бульварных любовных романов.

Являлось ли все это благодарностью со стороны спасенного? Отчасти да, ведь Нокса закрыли здесь, а не оставили гнить на Переправе.

– Триста двенадцать, налево, – прогремел голос надзирателя.

Нокс повиновался и решил еще раз попытаться разговорить нового знакомого:

– В моем расписании появились прогулки? – легко спросил он.

Три года он не был на свежем воздухе. Единственное, что было ему доступно, – трехдюймовое окно под потолком. Но и это оказалось больше издевательством, а не благодатью. Тюрьма была построена таким методом, чтобы солнечные лучи никогда не касались пола.

– Молчать, – приказал надзиратель.

Нокс обернулся, и увидел, как его новый безымянный друг угрожающе положил руку на электрошокер.

– Вперед смотри! – рявкнул он.

Нокс знал, что в тюрьме с юмором плохо, но надеялся, что его можно было реанимировать. Сегодня не вышло и Алан решил предпринять следующую попытку в другой раз.

Какая-никакая, а прогулка. Он решил насладиться ходьбой несмотря на то, что руки были сильно перетянуты наручниками.

Конвоир провел его по широкому коридору первого этажа. Если бы Нокс поднял взгляд вверх, то увидел бы весь муравейник из самого его центра. Тридцать этажей в высоту, по двадцать одиночных камер с четырех сторон. Эдакий колодец с отребьем внутри.

Его завели в комнату, за спиной закрылась дверь и через тридцать секунд открылась другая. Все было автоматизированно, камеры видеонаблюдения висели через каждые десять метров, из-за этого дополнительное сопровождение не требовалось.

Отсюда не сбегали из-за правила «трех Н».

Невозможно.

Некуда.

Нереально.

Очередная дверь открылась, они прошли, дверь закрылась. Так повторялось еще семь раз. По этой дороге Нокс шел всего однажды и то в противоположную сторону. Тюрьма была защищена слишком хорошо, чтобы мысли о побеге были целесообразными. Нокс ожидал момента, когда он пригодится государству снова. Он не думал, что это случится так скоро. Всего спустя три года после трагедии в Ниагаре.

По меркам государства три года – мгновение.

По меркам человека – ощутимый отрезок жизни.

По меркам зараженного? Неизвестно.

Нокса провели по идентичным коридорам неприглядного серого цвета. Один, второй, третий. Пока они не дошли до святая святых сего места – кабинета директора.

Внутри Алан ранее не был, благо умел читать. На светло-серой табличке было написано темно-серыми буквами: Директор Стивен Ллойд.

– Лицом к стене.

Нокс без пререканий выполнил приказ и уперся взглядом в стену. Казалось, что возле кабинета воздух стал другим. Не так сильно вонял безысходностью и пустотой.

Конвоир постучал, получив отклик начальника, открыл дверь и доложил:

– Заключенный триста двенадцать прибыл.

– Заводи его.

– Вперед.

Нокс отлип от стены и вошел в кабинет директора, румяный надзиратель шагнул следом, но бас вышестоящего в тюремной тусовке остановил его на пороге:

– Оставь нас. Жди за дверью.

Беглый взгляд конвоира неуверенно метался между Ноксом и директором, но оспорить приказ, он, конечно же, не решился.

Когда они остались наедине, Алан понял, что его ожидания не были напрасными. Им что-то нужно. Кому, что и почему он не предполагал, но заранее был согласен. Нокс до зуда под кожей мечтал снова побывать на воле. Вдохнуть свежего воздуха, подставить лицо под лучи восходящего солнца, ощутить морской бриз на коже, есть мороженое, спать на мягкой кровати. Список желаний можно было продолжать до бесконечности, но каждое из них станет реальностью только за пределами серого царства.

Нокс слегка мазнул взглядом по директору и тут же сконцентрировался на окне. Высокое и широкое. Да, с решеткой по ту сторону стекла, но все же. На улице было настолько солнечно,

что в кабинете был выключен свет, для освещения более чем хватало природного ресурса. Алану захотелось подойти к окну и подставить лицо под палящие лучи. В груди что-то сжалось в гранитный камень. Как легко не замечать прекрасного, когда оно окружает тебя изо дня в день, и как же сильно начинаешь ценить, когда лишаешься.

– Ты заключен на пожизненное, – напомнил Ноксу директор и по совместительству лучший друг капитана, по просьбе которого Алан здесь поселился.

Значит, пожизненное…

– Это я знаю и без вас, – солгал Нокс. – Лучше расскажите, почему я не в камере, а здесь?

Стивен тяжело вздохнул и на несколько секунд перевел взгляд за окно. О чем тот думал, Нокс не знал, но и не стал торопиться с расспросами. За эти мгновения он быстрым и пристальным взглядом профессионала осмотрел помещение. Огромный дубовый стол на резных ножках казался неуместным в достаточно спартанском кабинете. Нокс предположил, что это подарок, взятка или прошение, но точно не купленное на деньги государства безобразие. Безвкусное и вычурное. За столом располагалось кресло, оно было отвернуто от входа, и в данный момент в нем кто-то сидел. Этот кто-то предпочитал оставаться в тени и дергать за ниточки марионетку по имени Стивен Ллойд.

– Ты должен поехать на Переправу и вытащить оттуда одного человека.

Брови Нокса изогнулись в удивлении. Переправа…

– Должен? – переспросил он.

– Да.

Нокс хмыкнул и отрицательно покачал головой.

– Нет. Вы меня с кем-то перепутали. Я все долги государству отдал несколько лет назад. Я человек, чьи следы стерты. Отовсюду. У меня нет имени, возраста, дома, номера социального страхования, родных и долгов в том числе. Вероятность, что я кому-то что-то должен, ниже нуля.

Директор внимательно смотрел на Нокса. Его лицо находилось в стадии максимальной серьезности.

– Человек ли? – спросил он у Нокса.

Заключенный пожал плечами.

– С этим я пока не разобрался.

Стивен хмыкнул и убрал руки за спину. Он сделал пару шагов в направлении Нокса и, остановившись, сказал:

– Я был уверен, что ты будешь рад подышать свежим воздухом.

– Смотря где и ради чего дышать, – подметил Нокс.

– На Переправе, ради спасения жизни, – тут же ответил директор.

– Переправу законсервировали. Насколько мне известно, – напомнил Нокс, пока у него перед глазами мелькали флэшбеки. Город Ниагар для всего мира – равно Переправа для военных.

Кровь, смерть, боль, отчаяние… Нокс помнил все настолько хорошо, что ненавидел себя за это. Он был бы рад встретить болезнь Альцгеймера в тридцать два, но та все никак не приходила.

– Так и есть, – подтвердил директор.

Нокс вернулся из воспоминаний и сконцентрировался на собеседнике. В словах Стивена не было смысла.

– И спустя три года вам оттуда понадобился *человек*? – недоверчиво уточнил Алан.

– Да, – прохладно подтвердил Стивен.

– Но он уже *не* человек, – напомнил Нокс и почувствовал, как в горле пересохло. Людей там не осталось.

Директор отвел взгляд в сторону, и в этот момент кресло с большой спинкой, обтянутой дешевой кожей, повернулось. В нем сидел человек, из-за которого Нокс находился в тюрьме.

– Какие люди… – протянул Алан. – Не думал увидеть вас здесь… капитан.

Мужчина с активно седеющими волосами не сводил взгляд с Нокса. Алан в ответ смотрел не менее пристально и серьезно. В последний раз они виделись за свежей выстроенной стеной Ниагара. Они стояли друг напротив друга. Нокс был весь в крови, по большей части она принадлежала не ему, но на шее красовалась отметина от человеческих зубов, что указывало на стопроцентное заражение. Капитан тогда приказал Ноксу отойти на два шага от бесчувственного тела Николь, а потом его вырубили.

Очнулся он уже в тюрьме.

Прошло три года, а казалось, что все было вчера.

– Я больше не капитан. Главнокомандующий армией, – ответил посетитель.

Нокс бы похлопал в ладоши, да вот руки его были скованы, но брови пребывали в полном распоряжении Алана, и ими он воспользовался в максимальной степени.

– Чем обязан визиту столь *высокопоставленного лица*? – спросил он, сделав пренебрежительный акцент на обращении.

Бывший капитан не отводил серьезного взгляда от Алана ни на одно мгновение.

– Мне жаль, что ты здесь оказался, – сообщил он и это звучало искренне.

Нокс усмехнулся и напомнил:

– Сомнительно, ведь ты меня сюда и поместил.

– А теперь мне нужна твоя помощь, – выдал главнокомандующий.

Нокс сделал вид, что задумался, прикусил нижнюю губу, пожевал ее и, поморщившись, вернул внимание к главнокомандующему армией.

– Не уверен, что хочу тебе помогать. Один раз это уже вышло мне боком.

Человек, повинный в лишении Нокса трех лет жизни, сделал вид, что не расслышал последнее и быстро проговорил таким тоном, каким ранее отдавал Алану приказы:

– Сегодня в шесть утра на Переправу была отправлена первая партия людей.

– Зачем? – на автомате уточнил Нокс, хотя планировал не показывать заинтересованность в каком бы то ни было предложении, просьбе, приказе или угрозе.

Главнокомандующий вздохнул и выдал короткий ответ:

– Экскурсия.

Нокс не сдержал смеха. Он был едким и колючим.

– Экскурсия? – переспросил он. – На что люди хотели там посмотреть? На умирающих полулюдей? На разруху? На груды скелетов? Или вы отправили на экскурсию смертников?

Нокс не видел логических причин в том, чтобы в столь ужасное и опасное место отправляли, мать их, *экскурсию*. Либо новый президент не дружит с рассудком, либо весь мир за три года перевернулся с ног на голову.

Главнокомандующий повернулся к Стивену, который тихо стоял у окна, и попросил того оставить его с Ноксом наедине. Просьба была выполнена без единого возражения. Оно и верно, со столь большими шишками, как Аарон Лоуренс не спорят.

Как только дверь закрылась за спиной директора тюрьмы, Аарон проговорил сквозь зубы:

– Мы каждую неделю отправляли туда кровь из банка крови. Не тебе нас судить за плохое к ним отношение. Ты ведь не там, а здесь. Ты, Алан Нокс, за чертой, за которую зараженные из Ниагара никогда не должны были перейти.

Нокс снова пожал плечами.

– До сих пор не вижу причин для радости. Я в тюрьме, если ты не забыл.

– Не забыл.

– Вот и славно. – Нокс не хотел углубляться в перипетии прошлого. Его намного больше интересовал момент здесь и сейчас. Если сам главнокомандующий приехал по его душу, значит, есть вариант сторговаться и выйти из серого клоповника. – Что там с экскурсией?

– В восемь часов группа перестала выходить на связь. С ними что-то случилось, но мы не знаем, что именно, потому что там нет никаких камер, связи. Мы обезопасили тайну, но остались слепы.

Нокс смотрел на Лоуренса и помнил всего один момент за время их знакомства, когда он так сильно нервничал, когда в завалах Ниагара не мог найти Николь.

– Вероятнее всего их убили, – сказал Алан, чтобы обрубить все надежды на корню.

Лоуренс напрягся еще сильнее. Лицо побелело, и он спросил не своим голосом:

– Почему ты так решил?

Нокс ответил правду:

– Потому что питаться напрямую из вены куда приятнее, чем из банка крови.

– Тебе-то откуда знать?

– Чутье, – коротко ответил Нокс.

Главнокомандующий поджал губы и отрицательно покачал головой.

– Не убили. По крайней мере до одного человека они еще не добрались.

– Кто это?

– Журналистка.

Нокс выгнул брови.

– Твоя новая пассия?

Еще до того, как Лоуренс ответил, Нокс уже догадался, кем была эта журналистка. Из-за чьей безопасности Лоуренс будет так переживать? Есть всего одна девушка, во благо которой главнокомандующий продаст душу дьяволу.

Черт…

Однажды он уже вытащил ее оттуда, какого черта эта сумасшедшая снова полезла в пекло?

– Нет. Моя дочь, – разбитым голосом сказал испуганный отец. И подтвердил догадку Алана. – Она не должна была там быть.

– Как ты ее отпустил? – не веря в услышанное, спросил Нокс. Он старался заглушить волну злости, которая несмотря на его старания, только поднималась.

– Как ты думаешь, часто ли Николь просит разрешения? – уточнил ее отец.

Никогда.

Николь никогда не просит разрешения.

– Сколько людей пропало? – уточнил Нокс.

– Двадцать. Восемнадцать гражданских и двое при исполнении.

– Отправьте туда спасательную группу, – предложил Нокс.

– Президент отдал приказ об отмене спасательной операции, – обреченно сообщил главнокомандующий.

– И ты решил пойти против президента?

– Там *моя дочь.*

Твоя дочь, которой я обещал свидание еще в прошлой жизни. Нокс так и не сводил ее в ресторан, судьба распорядилась иначе.

Еще один пункт в невыполненных делах. И именно он чаще остальных мелькал перед Аланом самой назойливой мухой.

Нокс хотел бы сейчас сесть, откинуться на спинку стула и с вызовом смотреть на собеседника, но наручники продолжали с силой сдавливать запястья. Надзиратель намеренно перестарался и затянул их слишком туго.

– Мы разобрались с тем, что нужно тебе. Пришло время поговорить о том, что нужно мне, – проговорил Нокс и все же оскалился так, что стало видно его немного удлиннившиеся клыки.

Глава первая

(Искусственная пустыня близ гор Амаретто.
Два часа до происшествия.)
***

Автобус монотонно покачивался, преодолевая бежевое полотно пустынной местности.

– Это первая экспедиция на место бывшего города Ниагар. Всем известно, что три года назад там произошла ужасное заражение вирусом, который в простонародье называли вампиризмом. Эпидемия распространялась настолько быстро, что люди не знали, что им делать, куда бежать и как спасаться. По факту, это было зря, военные все сделали быстро и четко, оградив остальной мир от новой заразы. Все границы города были закрыты за сорок восемь часов, а на сорок девятые уже начали выставлять сооружения, которые и по сей день нас защищают.

– Отчего нас защищают сейчас? – спросила женщина на первом сиденье за водителем автобуса.

Я не знала, из каких СМИ она, но была уверена, что дама не из простых смертных. На эту экскурсию хотели бы попасть сотни журналистов, а отобрали всего восемнадцать человек.

Военный, он же по совместительству гид, сделал вид, что не услышал вопроса, и продолжил рассказ. Он старался обходить острые темы, затрагивая только общие данные, которые и без него нам были известны. Если военный думает, что ему удастся уходить от ответов, то я поспешила бы его огорчить. Все присутствующие прибыли за сенсацией и на меньшее не согласятся. Журналисты будут пытать его вопросами, пока он, как минимум, случайно не сболтнет лишнего, а мы это уже упакуем в сверкающую обертку, на которую поведется весь мир.

Если взять всю информацию по трагедии в Ниагаре за сто процентов, то общественности известно не больше одной тысячной. И даже эта тысячная уже бесконечное количество раз была перевернута так, что от правды там не осталось даже запаха. Я обладаю чуть большими данными, ведь в момент трагедии была в городе, видела ужас, творящийся с людьми. Столько потерь. Память играет со мной, и периодически я сомневаюсь, все ли из этого происходило на самом деле или воображение что-то нарисовали или, наоборот, стерло?

Я слушала военного вполуха. Все на планете Земля знают печальную историю Ниагара, – небольшого города на границе Мексики. Там жили люди и даже не подозревали, что под землей находилась одна из десятков военных лабораторий. Что они там создавали, неизвестно до сих пор, но я видела, что из этого получилось…

Ковид тогда показался нам детским лепетом. Держать дистанцию в полтора метра, мыть все антисептиком, носить маску и перчатки в противовес хаоса в Ниагаре.

Это был ад.

Больше никогда и нигде я не видела подобного. И это, к счастью. Если трагедия Ниагара повторится где-то еще, то мы как вид полностью исчезнем.

Город был практически уничтожен. Подробностей до массы дошло крайне мало, но я, как дочь одного из военных, находящихся там в моменте, знаю чуть больше.

Что мне дали эти знания? Кошмары. Я боюсь, что зараза выберется наружу, и тогда нас ждет настоящий апокалипсис.

Это будет не остановить.

Год назад в «Таймс» опубликовали новость о том, что Ниагар стал городом-призраком. Там больше никто не живет. Последние заразившиеся умерли, хотя врачи, отправленные туда, приложили все усилия, чтобы их спасти. Финансирование по исправлению оплошности оказалось колоссальным, на эти деньги можно было построить десять новых Ниагаров. Куда ушли деньги? На новую лабораторию? Или на то, чтобы спасти тех, кого запечатали внутри?

Поверили ли люди нашей страны в эту историю?

Отчасти.

Первой волной после новости в «Таймс» мир накрыло негодование. Ведь до этого два года о городе вообще ничего не говорили, а всех журналистов разворачивали, стоило им только заехать на территорию пустыни. Всем им твердили одно и то же: «Это охраняемая территория, и вы не имеете права здесь находиться».

Шли недели, они превращались в месяцы, и даже самые упорные журналисты перестали стараться пробраться на территорию Ниагара, чтобы запечатлеть вид разрухи и рассказать об этом людям.

Мне, будучи журналисткой, стыдно признать, но мы облажались, так и не смогли выяснить и найти хоть какие-то доказательства происходящего внутри.

Но, как говорится, тайное всегда становится явным.

Два месяца назад неуловимая организация хакеров, именующая себя «Волками правды», обнародовала фотографии с камеры на одной из вышек в городе. На снимке находилось два человека, на одном можно было разглядеть военную форму.

И это обернулось взрывом. Все возможные организации по правам человека оживились. Они подняли такую шумиху в прессе, что про Ниагар вспомнили даже те, кто ранее о нем ничего не знал. Президента в открытую обвиняют, что она скрывает больных людей, которым нужна помощь. Чтобы развеять эти мифы, президенту пришлось пойти на уступки и собрать первую экспедицию на окраину города. Восемнадцать журналистов из самых известных мировых СМИ попали в списки приглашенных. Нам покажут разрушенный и совершенно пустой город.

Но так ли это на самом деле?

Слушая проводника вполуха, я стала рассматривать пустыню. Кто бы мог подумать, что еще четыре года назад здесь росли деревья и трава. Все пришлось уничтожить, чтобы вирус не пошел дальше. Как бы не были ужасны действия властей, им все же удалось остановить распространение заразы, которая сделала из людей… вампиров. Мало кто в это верит, но я слышала, как отец разговаривал по телефону сразу же после того, как мы вернулись из Ниагара.

Казалось, что все страшные книги, фильмы и легенды про вампиров ожили. И это были не истории про милую семейку Калленов, а скорее сказ от Ричарда Матесона.

Коллективный вздох вырвал меня из мыслей, я перевела внимание с пустыни на огромную махину за лобовым стеклом. Я знала, что город огородили высокой стеной, но даже не подозревала, что она *такая* огромная.

Власти смогли обнести Ниагар в рекордные сроки, словно были заранее готовы к такому развороту событий. Этот поток размышлений не дает мне покоя по сей день. Если они знали, что подобное возможно, тогда почему не проводили опыты где-то за пределами населенных пунктов? Зачем умышленно подвергать опасности гражданских? Я как-то задала эти вопросы папе, но он на них не ответил. Он вообще старается обходить стороной любые разговоры, которые хоть как-то касаются его работы.

Теперь мое внимание приковано к экскурсоводу. Военный выпрямился в полный рост, как раз в момент, когда автобус остановился. Он, водитель и все журналисты должны надеть спасательные костюмы ярко-оранжевого цвета. Никто даже не возмущался по этому поводу. Защищен – значит вооружен. Остальные опасаются вируса, а я – тех, кто появился из-за него.

– Перед вами Ниагар, город, который больше не числится на картах. Жизни в нем нет, и в ближайшие восемьдесят пять лет она невозможна. Вход и выход из-за стены высотой пятиэтажного здания невозможен.

– Как мы туда попадем? – высокомерно спросила Оливия Бэйкхем, репортер и ведущий журналист третьего канала. – Если вы развернете автобус и оставите нас с жалкими фотографиями стены, то жители всего мира не простят властям подобного плевка.

Она права. Весь мир ждет нашего возвращения и статей с новостями о погибшем городе. Но самое главное из того, что мы должны осветить, – людей в городе нет.

Политикам нужно закрыть эту тему раз и навсегда. Я даже не представляю, чем они будут перебивать наши статьи, если в них окажется написано нечто иное. Им необходимо будет увести фокус внимания на другую проблему или какое-то значимое событие. Это всегда работает. Будучи журналисткой, я знаю, насколько легко запудрить массе головы. Даже те, кто вычитывают статью за статьей на ту или иную тему, не замечают, что им скармливают информацию, которая разнится из месяца в месяц. Для чего это делается? Для выгоды. Все в нашем мире делается для выгоды, власти и денег. Если какой-то рандомный политик, обещает свернуть горы, то вы можете ему поверить только в двух случаях. Во-первых, если горы мешали ему лично. Во-вторых, эти горы мешали кому-то выше его по званию.

– Нас переправят за стену на подъемнике, – ответил сопровождающий и указал налево.

Я внимательно проследила за его рукой и увидела подъемник, но также заметила похожее сооружение с другой стороны. Прищурившись, приблизилась к окну. Немного отличается, но в целом конструкция практически идентична с первой.

– А для чего тот подъемник? – спросила я и привлекла к себе внимание всех, кроме того, к кому конкретно обратилась.

Проводник сделал вид, что не расслышал вопроса и продолжил:

– На вас уже надеты специальные костюмы. Не хочу вас пугать, но это для вашей безопасности. Поэтому перед тем, как мы доедем до подъемника, я попрошу вас надеть специальные перчатки и шлемы. Сейчас можете сфотографировать город-призрак снаружи. – Он посмотрел на часы и добавил: – Чтобы не выбиться из графика, я дам вам на это пять минут.

Пять минут, этого более чем достаточно.

– Я хочу выйти из автобуса, – проговорил Митч Шерри.

У проводника моментально изменилось выражение лица. Мы ему порядком надоели. Понимаю. Этот военный, как и мой папа, привык, что его слова – закон, а не повод для дискуссии.

– Двери автобуса откроются только после того, как мы вернемся на место сбора, – четко проговаривая каждое слово, сказал он.

А вот и подвох. Несмотря на то, что нас снарядили в скафандры, провели трехчасовой инструктаж, мы не сможем выйти и осмотреться так, как нам бы того хотелось. Военные покажут только то, что посчитают нужным.

В груди сдавило. Мне нужно убедиться, что внутри остались живые люди. Если мне не удастся найти там жизнь, то… то значит *он* действительно умер. Отсутствие информации убивает меня изо дня в день. Я бы предпочла оплакать потерю, а не кормить себя вечными надеждами, они утягивают меня на самое дно, а я не привыкла к нахождению там. Я хочу полноценно жить, а не оглядываться по сторонам, не искать в толпе лицо того, кого не видела уже три года.

– Вы не выпустите нас из автобуса? – недовольно спросила Оливия, собирая светлые волосы в пучок, чтобы суметь беспрепятственно надеть шлем.

– Нет. Но вы можете снимать все из окна.

Легкий шепот неудовлетворенности прошелся по салону. Пока остальные негодовали, я сняла с шеи висящую камеру и сделала минутное видео, зацепив все, что только было возможно. Перепроверила в кармане диктофон, он включен с самого начала пути. Усиленный датчик звука запишет то, что я могла пропустить.

Открыв сумку, достала телефон и убрала его в шуршащий оранжевый карман.

– Николь, здесь нет связи, – напомнила мне Оливия.

– Знаю.

Не имеет значения есть связь или нет. Я взяла телефон для подстраховки, если вдруг с камерой что-нибудь случится, и она выйдет из строя. Даже смазанные фотографии, снятые на камеру телефона, лучше, чем их полное отсутствие.

Бухтение по поводу запрета на возможность выйти из автобуса продолжалось на протяжении всего отведенного нам времени на съемку Ниагара с наружной стороны.

Проводник выждал ровно пять минут и дал нам отмашку, чтобы мы надели достаточно легкие шлемы, тонкие перчатки и заняли строго распределенные места – таким образом уравновешивая автобус для предстоящего подъема. Военный подошел к каждому и проверил застежки на шлемах и липучки на перчатках, будто мы были не взрослыми людьми, а маленькими детьми.

– Ну что ж, – подытожил военный, держа свой шлем под мышкой. – Поздравляю, вы первые и, скорее всего, последние люди, которых запускают на территорию Переправы. Надеюсь, вам удастся успокоить мир, и мы сможем оставить ужасное прошлое в прошлом.

Нервозность пробежала вдоль позвоночника. Проводник надел шлем и дважды ударил ладонью по спинке сиденья уже облаченного в спецодежду водителя.

Автобус тронулся с места, и двадцать людей в оранжевых шуршащих костюмах поехали к подъемнику. Там нас встретили военные в численности шести человек, они помогли зацепить автобус на платформе, а потом мы взмыли вверх.

Сложная конструкция поднимала нас медленно и плавно, это могло говорить о том, что она достаточно новая. Работает без осечек.

Я никогда не боялась высоты, но сейчас испытывала нервозность. Я обманом попала сюда и понятия не имею, во что это выльется. Но я должна самостоятельно убедиться в том, что фотографии хакеров это всего лишь обман зрения, а не жестокая правда – это для журналистки внутри меня. А для себя я тешу надежду на то, что живые все же есть. И если это правда, то *он* точно должен был остаться среди них.

В салоне стояла оглушительная тишина, но стоило нам подняться до пика ограждения, который был закруглен внутрь таким образом, что возможность выбраться по стене приравнивалась к нулю.

Ничто не сможет зацепиться за выступ, ведь выступа нет.

Высота настолько неподъемная, что мурашки зарождающегося страха пробегали по рукам, но я, как и все остальные, прижалась к окну и начала фотографировать, а потом перешла на режим видеосъемки.

Мы начали снижаться.

Адреналин, наоборот, подскочил.

Остальные, в отличие от меня, не видели ужаса трехлетней давности. Они не знают, что происходило в Ниагаре в те дни. Это был самый страшный день в жизни человечества…

Разрушенные снарядами здания, валяющиеся вывески, заросшие зеленые поляны. Три машины перевернуты, скорее всего их откинуло взрывной волной в момент, когда пытались вытащить военных, что сдерживали зараженных. Кроны деревьев парка хорошо видны с такой высоты, а еще я замечаю, что… часть города, в которую нас пустили, огорожена корабельными контейнерами. Они выставлены по пять штук один на другой и полностью отрезают нас от основной части Ниагара.

Какой в этом смысл? Не верится, что это старая постройка. Хотя я могу ошибаться.

Спуск происходил быстрее подъема. Лебедки работали с удвоенной силой, пока платформа, на которой стоял наш автобус, не коснулась земли.

Первую минуту мы сидели и молча смотрели через окно на апокалипсис.

Ниагар был мертв.

Людей или животных я не заметила, а сила природы уже начинала вступать в свои права. Удивительно понимать, что за барьером пустыня, а здесь своя фауна. Деревья, трава и кустар-

ники в будущем полностью поглотят город и память о семьях, которые жили здесь до прихода катастрофы. Память о тех, кто погиб, также будет перечеркнута. Мир уже открещивается от этого происшествия. Виновных нет.

Информация скудная.

Кому принадлежала лаборатория? Неизвестно.

Что там производили? Да черт его знает.

Я щелкала фотоаппаратом каждый метр видимого мною пространства. Старалась не пропустить ничего, что могло бы послужить мне при написании статьи.

Слева от нас сразу же стена, поэтому я пересела в конец автобуса и стала щелкать правую сторону.

– Нам бы выйти, хоть что-то снять нормально, а не сквозь окно автобуса, – возмутилась Оливия.

– Это исключено, – глухо ответил сопровождающий. – У вас есть еще три минуты и мы будем подниматься.

– Да вы же ничего нам не показали!

– Обещания были другие.

– Общественность вам этого не простит. Я-то уж постараюсь, – Оливия продолжала давить на военного.

Остальные подключились к ней и пытались переубедить провожатого. Я не тратила время на этот диалог. Пустой расход энергии. Они хотят уговорить военного? Это невозможно. Перед ним стоит четкий приказ, и он не отступит от него из-за того, что его «попросили».

Диалог между военным и журналистами уже перешел границы вежливости. Я же предпочитала не участвовать в этом, ведь меня здесь нет. Сейчас я сижу в офисе и пишу статью про благотворительность звездной семьи.

Стоп!..

Прищуриваюсь, но увиденное секундой ранее уже испарилось. Там кто-то был. Подтверждение этому движущийся куст. Из-за огромного ограждения по периметру города тут не может быть и намека на ветер.

Еле дыша подношу фотоаппарат к лицу и заглянув в объектив медленно приближаю место, где видела движение.

В груди холодеет.

– Вы уверены, что в Ниагаре больше нет жизни? – спросила я более громко, чем планировала.

Спор остановился в моменте.

– Уверен.

Не отрывая взгляда от человеческой руки, сжимающей и разжимающей пальцы, спросила едва слышно:

– Тогда кто это?

Глава вторая

(Город-призрак Ниагар.
За пять минут до происшествия).
***

– Всем сесть на свои места, – холодно приказал военный.

– Что ты там увидела?

– Где моя камера?

– Подвиньтесь!

Гомон голосов журналистов стал громче в два раза. Они, наплевав на приказ, толкая друг друга локтями, пробирались ко мне в заднюю часть автобуса. Я же не отводила взгляда от руки за кустами. Как я не пыталась напрячь зрение, увидеть полностью фигуру не удавалось.

Он скрывался. Выжидал, чтобы…

Оливия плюхнулась на сиденье рядом и схватилась за фотоаппарат, который так же, как и у меня висел на шее.

– Все по местам! – вопил военный, но его никто не слушал. Стервятники слетелись за добычей.

Зря они взяли сразу же большое количество журналистов. Мы, люди такой профессии, если видим неоспоримо интересный контент, идем за ним, нарушая законы и наплевав на правила. Это наш хлеб, часть мировоззрения.

Журналисты – худшие подопечные для военных.

– Там человек, – сказала Оливия негромко, но все это услышали и с удвоенной силой ринулись к окнам справа.

Автобус покачнулся.

Они пихали друг друга и полностью игнорировали слова военного, который уже перешел на крик. Не удивлюсь, что, даже если он достанет пистолет и начнет стрелять, то журналисты скорее всего не обратят на это внимания, ведь за окном автобуса сенсация.

– Все по местам! Мы поднимаемся!

Автобус накренился в сторону, и в этот момент я оторвала внимание от конечности. Обернувшись к военному, замерла. Насколько же мысли могут быть материальными. Он направил на нас пистолет. Сквозь стекло шлема было отчетливо видно, если возникнет необходимость, он выстрелит в любого из нас. Опустив камеру, я подняла руки вверх и медленно встала не со своего места.

– Я сказал – по местам, – прорычал военный. – Это приказ.

– Мы не выполняем ваши при… – Оливия не договорила, так как обернулась и увидела дуло пистолета, которое ласково переходило от одного к другому. – Вы не выстрелите.

– Выстрелю, – он сказал это так, что все поверили и начали медленно, подняв руки возвращаться каждый к своему месту.

Уже в тот момент я понимала, что камеры у нас заберут. Военные не позволят рассказать настоящую правду, а не ту, которую хотели скормить всему миру.

Я более чем уверена, что контейнеры, отгораживающие эту часть Ниагара, были выставлены специально, чтобы скрыть живущих здесь от нас.

Но что-то пошло не так.

Все расселись на места, и в автобусе повисла напряженная тишина.

– Дэни, звуковой сигнал, – сказал военный, и тут же раздался гудок клаксона, от которого я вздрогнула.

Лебедка натянулась, автобус дернулся и оторвался от земли.

Я медленно повернулась направо, но со своего места мне ничего не было видно.

Здесь есть живые люди. Значит, *он* тоже выжил. Обязан.

Визг Оливии настолько оглушил меня, что я попыталась зажать уши, но из-за шлема сделать это было невозможно.

Я обернулась к ней и встала. Нет сил сидеть сложа руки, когда девушка орет настолько истошно.

Паника захлестнула всех внутри автобуса. Журналисты начали хаотично передвигаться, толкая друг друга локтями. Одни фотографировали что-то справа, другие в ужасе прижимались к левому борту.

Кустарники раздвинулись, и из-за них появились люди в лохмотьях. Они побежали в сторону автобуса и стали прыгать на него, раскачивая еще сильнее.

Душа ушла в пятки. Перед внутренним взором в одно мгновение выстроились воспоминания трехлетней давности. Люди, которым не посчастливилось подцепить заразу, дичали в мгновение ока, они бросались на всех, кто был рядом. Я видела, как мужчина, который хотел сбежать из города с сыном на руках, неожиданно остановился и впился пятилетнему мальчику в горло. И эта картина была не самой ужасной, что я наблюдала в тот день.

Были хуже.

Гораздо хуже.

– Оставайтесь на местах! – вопил военный и, открыв окно, стал отстреливать людей в лохмотьях.

Но они продолжали запрыгивать на автобус.

В первые мгновения я окаменела. Наблюдала за тем, как троим удалось забраться на платформу, она тут же, как качель стала раскачиваться с удвоенной силой, нас бросало друг на друга.

Лебедка перестала работать.

Мы больше не поднимались.

Визг, крики, недовольное бормотание, ругань на разных языках: все это поселилось внутри автобуса и било по барабанным перепонкам.

На капот забралось двое. Они выглядели как обычные люди, но я все же увидела выпирающие клыки. Они заражены.

Гомон воплей и голосов внутри автобуса было невозможно измерить. Ужас и паника завладели всеми, кроме военного, который безуспешно пытался криком усадить всех по местам. Он отстреливался, перезаряжал пистолет и снова стрелял, но нападающих становилось все больше и больше.

Автобус расшатался так сильно, что еще немного и платформа будет задевать стену по левую сторону борта. Если платформа пострадает, то нам отсюда не выбраться.

Сквозь страх я сделала первый шаг вперед и коснулась плеча вопящей Оливии. Она вздрогнула и резко обернулась. Я никогда ранее не видела ее столь напуганной. В глазах поселился дикий ужас от происходящего и полное непонимание, что вскоре произойдет.

– Успокойся и сядь, ты мешаешь ему, – строго сказала я. – А лучше помоги мне рассадить всех по местам, если они продолжат раскачивать автобус, мы останемся тут навсегда.

Только после слова «навсегда», Оливия закрыла рот.

– Я увольняюсь, – запыхавшись от крика, проговорила она. – К черту.

Неподходящее время для долгосрочных планов, но я не стала вступать в спор по этому поводу.

Что папа всегда говорил? В патовой ситуации держи себя в руках и рассуждай логически, а не на эмоциях.

Сложно не поддаться панике и не примкнуть к вопящим, но кто-то должен помочь военному и остановить качку автобуса.

– Помоги мне, – с нажимом попросила я.

Из всех присутствующих я знала только Оливию, и давнее знакомство позволяло понять, что она точно сможет взять себя в руки и мыслить здраво. Паника нам не друг. Нам сейчас никто не друг.

Оливия кивнула, отвернулась и тут же подошла к ближайшему орущему мужчине. Она со всей силы толкнула его в грудь, останавливая от беготни из стороны в сторону. Я прошла мимо них и попыталась объяснить на пальцах зарубежному журналисту, что лучше бы ему успокоиться и сесть. Жаль, но испанского я не знала, поэтому жестами объяснять важность спокойствия казалось слишком долгим. Он дважды толкнул меня в плечо и что-то кричал, вероятно, обвинял в произошедшем.

Звук разбивающегося стекла привел к еще большей лавине паники. Лобовое разлетелось на осколки, военный бросился туда и практически на лету перехватил женщину в лохмотьях. Они принялись сражаться и уже через пару ударов сердца завалились в салон. Те, кого мы успели усадить, снова вскочили с мест и стали жаться к левому борту.

Автобус ударился о стену и под общий крик накренился.

Схватившись за сиденье, сквозь ужас происходящего я услышала одиночный выстрел.

Военный скинул с себя женское тело и поднялся на ноги. На капот тем временем забрались еще двое, но военный больше не пытался убить их. Он скинул с себя шлем и расстегнул окровавленный комбинезон. Я в ужасе смотрела за каждым его действием. Он отвернул ворот когда-то белоснежной футболки и чертыхнулся. С четырех сторон красовались длинные, но не глубокие порезы, а в центре сиял укус.

– Твою мать, – обреченно прошептал он и поднял голову, глядя на всех по очереди. – Дэни, уходите.

Водитель что-то кричал ему, но из-за разделяющего нас пластика, я не могла разобрать слов.

За спиной военного на четвереньках ползли уже трое зараженных вампиризмом, но он даже не обернулся. В его глазах стояли слезы, он прикрыл веки, капля скользнула по щеке и разбилась о пол. Военный резким движение приставил дуло пистолета к подбородку и выстрелил.

В первое мгновение воцарилась тишина, а потом цунами страха сбил всех в кучу. Меня кто-то толкнул, и я завалилась между сиденьями. Сквозь топочущие ноги в оранжевых комбезах увидела пистолет военного, который кто-то откинул за второй ряд сидений. Протолкнуться сквозь паникующих не вариант, пришлось лезть через кресла.

Оружие необходимо. В открытом близком противостоянии мне не одолеть даже самого щуплого вампира.

Кто-то больно дернул меня за руку и помог подняться. Сквозь стекло шлема увидела крайне растерянную Оливию.

– Спасибо, – бросила я и отвернувшись, перелезла через сиденье.

Еще одно и еще.

Визор запотевал из-за сбившегося дыхания.

В разбитое лобовое уже пролез мужчина в лохмотьях и, кажется, он догрызал водителя. Я слышала бульканье…

Черт!!!

Нужно сконцентрироваться на оружии.

Добраться, схватить и вернуться к концу автобуса.

Подвешенный транспорт продолжал шататься из стороны в сторону. Крики становились громче, чем были готовы вынести мои перепонки.

Стекло перед глазами запотевало от обильного дыхания, и я попыталась сконцентрироваться на нем.

Вдох и выдох.

Вдо-о-ох и вы-ы-ы-дох.

Перебравшись через последнее кресло, я упала на колени, на меня кто-то завалился сверху, но посторонний вес быстро пропал… а следом раздался визг, переполненный болью и ужасом.

Паника уже стояла пяткой у меня на шее, но я не оборачивалась, чтобы не увидеть… заглянув под сиденье, схватила пистолет.

На краткий миг подумала, что спастись из автобуса все же можно. У меня теперь было оружие. Но осознание реальности быстро подавило восставшую храбрость. У военного тоже было оружие, но ему это никак не помогло.

Повернуться в сторону воплей все же пришлось.

Двое нападающих уже разорвали комбинезон журналиста и впились в тело клыками. Я будто превратилась в статую. Боялась даже моргать. Вдруг они заметят меня и переключатся?

– Быстрее! – кричала Оливия, и ее голос вытащил меня из состояния анабиоза.

Обратно я перепрыгивала кресла более рьяно.

Все собрались в конце автобуса. Те, что оказались в относительной безопасности и прижались к стене спиной, толкали вперед тех, кому так сильно не повезло.

Вот тебе и человечность, сострадание и прочая ересь, которая моментально уходит на задний план, когда дело касается не хлестких статей, а выживания.

Автобус превратился в адский котел. Перед страхом смерти люди моментально потеряли человеческий вид.

Ни о каком героизме тут не было и речи.

Каждый сам за себя.

Мне не удавалось протиснуться к заднему окну, а ведь путь я держала именно туда.

– Молоток! – крикнула я Оливии и указала пистолетом на приклеенный к стене молоток для эвакуации.

Она слишком энергично кивнула и не без труда сорвала его с крепления.

Меня толкнули, но я тут же навела пистолет на женщину, что пыталась отправить меня на обед к вампирам.

– С дороги, – прорычала я и в этот момент поняла военного, который действительно бы выстрелил в любого из нас, ведь он знал, что творится в Ниагаре. Он знал, что мы все умрем еще в момент, когда я заметила руку среди кустов.

Тыча пистолетом во всех подряд, я все же добралась до Оливии. Она сильно била по стеклу, но оно не поддавалось.

– Оно бронированное? – со злостью и страхом спросила она и ударила еще раз.

– Нет. Дай сюда, – запыхавшись проговорила я и протянула потную ладонь, чтобы забрать молоток.

Мы поменялись.

Я оказалась с молотком, Оливия с пистолетом.

Под оры позади, я поставила точку в центре стекла и провела большой круг, надавливая на выпирающее лезвие молотка со всей силы, что у меня была. Когда круг замкнулся, я, не заботясь о дискомфорте других, щурясь, отвернулась, замахнулась и саданула молотком в центр. Стекло разлетелось. Звонкий перелив падающих осколков не остался незамеченным.

Оливия тут же бросилась сбивать пистолетом оставшиеся торчать осколки. Она же может уронить его за пределы автобуса! Я подлетела к ней и в попытке забрать оружие, на миг наши взгляды пересеклись. Вот так в одно мгновение вы можете стать единомышленниками с человеком, с которым большую часть жизни конкурировали.

Она опустила пистолет.

– Перелезай, – приказала я и помогла Оливии отбиться от мужчины, который решил, что должен выбраться первым.

Ни черта подобного. Сначала женщины и дети! Так было всегда, по крайней мере, нам так говорили по ТВ.

Оливия спрыгнула на платформу, я перебралась следом за ней. Держаться пришлось одной рукой, ведь вторая занята тем, чтобы не упустить оружие. Возможно, только оно поможет нам прожить немного дольше, чем запланировали голодные вампиры.

Платформа продолжала расшатываться.

Ее никто не тянул наверх.

Нас не пытались вытащить, ведь тогда зараза выберется наружу.

В ушах отбойный молот сердца, а в голове одна мысль – спасайся.

– Что дальше? – спросила Оливия, мертвой хваткой вцепившись в бампер.

Присев рядом с ней, я заглянула за угол автобуса.

– Они все забираются через капот, – проговорила я.

– И?

Пришлось повернуться к девушке, с которой училась на курсе журналистики. Она смотрела на меня так, будто я могла спасти ее. Я же в этом была совершенно не уверена.

– Будем прыгать, а потом побежим вон туда, – сказала я, указывая в сторону.

– Что там?

– За теми деревьями первые дома, спрячемся в одном из них, – решила я.

– А дальше?

– Я не знаю, – громче необходимого бросила я. – Но мы должны действовать сейчас же.

Кто-то лез за нами в окно, но мы не подняли взгляда. Все внимание было сконцентрировано на предстоящем спуске.

– Я первая, – предложила Оливия.

– Давай, – согласилась я.

Она схватилась за край платформы и свесила ноги, но не разжала пальцы.

– Прыгай, – шептала я, смотря в испуганное лицо за стеклом шлема.

– Высоко.

Не так уж и высоко. Метра четыре.

Пришлось подползти ближе и дать указания:

– Сгруппируйся, ноги немного согни в коленях.

– Что…

Мне не удается узнать, о чем хотела спросить Оливия, я толкнула ее пальцы носком ботинка, и она, к счастью, молча завалилась в кусты.

Сняв надоевший шлем, сжала пистолет зубами и повторила все, что ранее сделала Оливия. Отпустила руки и плавнее новоявленной напарницы упала в кустарники.

– Ты меня скинула, – прошипела она.

Да, и сделала бы это снова.

– Снимай комбинезон, – вместо объяснений громким шепотом приказала я.

– Он же нас защищает, – противилась Оливия.

– Не сейчас. Он привлекает внимание, – расстегнув молнию проговорила я.

Меньше чем за минуту скинула перчатки, комбез и надела ботинки обратно. Оливия не сразу же, но все-таки прислушалась ко мне, и мы оставили позади два ярко-оранжевых пятна.

Бросив последний взгляд на автобус, я содрогнулась. Он продолжал шататься, но нашим путем его больше никто не покинул. Криков больше не было.

– Их всех убили? – спросила Оливия дрогнувшим голосом.

– Скорее всего, – проговорила я и отвернулась от подвешенного автобуса.

Тихо чертыхаясь, посмотрела на разбитую камеру. Не помню, в какой момент она пострадала. Сняла ее с шеи и оставила в кустах, достала сотовый и, проверила связь, понятно – ее нет. Включила камеру на телефоне и сняла на видео то, что происходило в автобусе и под

ним. Наше счастье, что вампиры, которые бегают перед носом автобуса, не заметили нашего побега. Максимально близко приближаю лица вампиров, надеясь, что там можно будет хоть что-нибудь рассмотреть.

Выключила камеру.

– Два из двадцати, – посчитала Оливия. – Шансы на выживание один к десяти.

– Главное, что не ноль, – прошептала я и повернулась к девушке.

– Я иду первая, ты за мной. Нам нужно время на передышку, чтобы обдумать, что будем делать дальше.

– А почему это ты командуешь? – спросила Оливия, демонстративно сложив руки на груди.

Я глубоко вздохнула и призналась:

– Не знаю.

Я бы не хотела отдать вожжи кому-то другому, когда дело касается моей безопасности.

– Ладно, – она сдалась слишком быстро для обычного дня и слишком долго для сегодняшнего.

– До ближайшего дома не больше двухсот метров, – сообщила я.

Убрав сотовый в задний карман джинсов, вынула магазин из пистолета и проверила количество патронов.

Мысленно проклинала все вокруг.

– Всего два, – обреченно вздохнула я и вернула магазин на место.

– Можем застрелиться сейчас, – предложила Оливия. – Благо, патронов у нас достаточно.

– Я пас.

– Я тоже.

Не оборачиваясь в сторону автобуса, мы медленно продвигались вглубь Ниагара, города, новости о котором ждет мир, но увидит он их только с учетом того, что мы выберемся отсюда. А учет, если верить математическим способностям Оливии, не в нашу пользу.

Глава третья

Люди, заразившиеся вампиризмом в разный промежуток времени, изнемогали, кружа вокруг склада бывшего завода по дублению кожи. Они переходили с одной стороны на другую, ожидая, когда же сюда привезут тела из автобуса и им дадут поесть. Те, что больше всего лишились человечности, пытались пробраться внутрь, но их быстро успокаивали другие, которые по разуму были не хуже прежних себя.

В это время вожак кровопийц забрался в автобус со своим доверенным и смотрел на трупы, что валялись на креслах, между рядами сидений, а одно даже свисало из выбитого окна позади транспорта.

Дереку не нравилось видеть эту картину, но что-то темное и неподконтрольное внутри не давало ему возможности смотреть на тела с омерзением. Они были достаточно аппетитными, по его новым меркам, которыми он обзавелся три года назад.

– Они не будут поднимать автобус, – сказал Дерек, опускаясь на колено перед изуродованным телом военного. Тот уже был мертв больше часа, но это никак не портило его кровь.

Дерек мазнул пальцами по вскрытым органам, замарав их в крови, поднес к лицу, вдохнул сладостно-металлический аромат и, прикрыв глаза, со вкусом, облизал пальцы.

– Мы можем попытаться выбраться с помощью лебедок, – предложил помощник.

– Не вариант. Их скоро перережут.

Помощник вождя переступил с ноги на ногу и добавил:

– Не это захотят услышать остальные.

– Знаю. Мы каждый день теряем здравомыслящих, поэтому нужно придумать другой план. Сколько людей было в автобусе?

– Восемнадцать. Двое военных, один из них был за рулем. Остальные – неизвестные гражданские, не понимаю, для чего их сюда спустили.

Дерек внимательно слушал, складывая информацию в разные папки, что позже пойдут на стеллаж с надписью «Выбраться из Ниагара» в его голове.

– В живых? – уточнил он.

– Осталось всего трое.

– Запри их где-нибудь и поставь охрану, они могут пригодиться нам *живыми*, – отдал приказ Дерек и сдержался, чтобы снова не запустить пальцы в военного.

– Зачем?

– Выкуп. Мы не знаем, кто они и зачем прибыли в Ниагар, если они ценны за пределами нашего города, то это может сыграть нам на руку.

Дерек всем делился с еще совсем юным парнем, он отчего-то видел в нем себя в былые годы. Они оба рано потеряли родителей, а потом пытались выжить. Жизнь Дерека устаканила служба, а у Грегори этой возможности не было. Парню не посчастливилось родиться в Ниагаре. Он был обречен в момент, когда строители положили первый кирпич в постройке подземной лаборатории.

– Понял, – отозвался парень.

Предводитель поднял взгляд и посмотрел на своего помощника. Мальчишке было не больше девятнадцати, когда тот обратился. Он мало употреблял крови и все же оставался в здравом уме. Удивительно. Дерек не исключал вероятность, что именно присутствие Грегори не дает ему возможности сойти с ума и превратиться в одного из вампирят. Парень будто удерживает темную сторону своего вожака в подвале, но, порой, Дерек адски хочет выпустить ее наружу.

– Контейнеры сегодня не спускали, – напомнил Дерек.

– Нет, – подтвердил Грегори.

Это могло повлечь за собой ужасные последствия. Дерек прожил в Ниагаре долгих три года и не смог свыкнуться с тем, что страна оставила его здесь медленно умирать. Он отдал жизнь за них, а они… Порой ненависть в его мыслях преобладала над рассудком. Он тысячи раз пытался выбраться за стену, но, к сожалению, ее создавали не глупые люди.

– Запасов? – спросил Дерек.

– Осталось тринадцать с половиной литров, десять из них израсходуются с утра.

Мало. *Слишком* мало.

Дерек сжал пальцами переносицу. Он так задолбался за эти три проклятых года. Каждый божий или дьявольский день он живет с мыслью, что завтра может потерять рассудок и одичать, как это уже сделало большинство. Вампирята – бич Ниагара. В их ряды Дерек не спешил, но отсутствие крови способно это исправить на раз-два.

– Принеси список более полезных граждан, придется кого-то вычеркнуть, если нам не доставят кровь.

– Понял, – отозвался Грегори, скользнув печальным взглядом по Дереку.

– И пришли сюда кого-нибудь, пусть соберут все вещи и спустят тела на землю, выкачаем из них все, что можно. Когда все будет готово, жду с отчетом. Иди.

Дерек еще десять минут сидел у тела военного и не мог понять, кому из них больше повезло. Этот парень отдал жизнь при службе, и на его могилу, даже если там не будет тела, положат форму и флаг страны, а вот Дерека эта участь не ожидала. Он более чем уверен, что его вычеркнули из истории. Будто его никогда и не было.

Он поднялся и выбрался из автобуса, спрыгнул на землю и молча прошел мимо вампирят в сторону дома.

Ниагар был обесточен с самого первого дня своего падения. Электричество, связь, радио – здесь ничего не работало. Единственная радость – водоснабжение, и то оно оставляло желать лучшего.

Люди, запечатавшие в Ниагаре вирус, почему-то решили, что вампирам, как они их прозвали, не нужна обычная еда и вода, но это было не так. Дерек больше двадцати раз за проведенное в заточении время пытался передать эту информацию вместе с контейнерами, в которых спускали кровь в периметр. Им нужна обычная пища так же, как и людям за пределами пятиэтажных стен. Хотя бы законсервированные банки, потому как имеющихся с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Ответа извне не приходило.

Несколько раз Дерек пытался выбраться из Ниагара, зацепившись за контейнер, но тот не поднимался. Однажды заточенные в брошенном городе чуть не поубивали друг друга из-за голода. Среднестатистический человек не может даже примерно вообразить какой силы был этот голод. Так Дерек пришел к выводу, что на контейнерах стоят весы, и если вес хотя бы немного больше изначального, то его не станут вытаскивать. Как только показатели приходят в норму, контейнер забирают наверх и после опять спускают.

Сбежать с помощью лебедки тоже не получилось, военные на той стороне обрезают ее, как только вампир добирается до середины. Попытки перелезть через стену с помощью снаряжения для скалолазания, обнаруженного в Ниагаре в количестве девяти штук, также не увенчались успехом.

Максимально непопулярное занятие в этих кругах.

Дерек вошел в ранчер и тут же направился в гостиную. Людей, которым когда-то принадлежал этот дом, уже давно нет в живых, поэтому они были не против, чтобы в их гостиной поселился бывший военный, брошенный своей страной.

Он просидел в кресле-качалке до заката. Слегка покачиваясь, Дерек смотрел в стену перед собой и вспоминал жизнь, что была до катастрофы в Ниагаре. У него была отличная жизнь. Молодой, обаятельный, холостой военный с письменным почитанием от президента. У

него никогда не было долгих отношений с женщинами, все заканчивалось на кратких встречах сексуального характера. У Дерека не было дурных привычек, обязательств перед кем-то, но была семья из тринадцати человек и десять из них умерли в Ниагаре.

Что он имел сейчас?..

Вопрос из-за двери прервал воспоминания и вернул его в прискорбное настоящее:

– Дерек, ты здесь?

– Входи, Грегори.

Парень вошел в гостиную и положил перед предводителем карточки и списки.

– Это были журналисты, – выдал он.

– Журналисты? – оживился Дерек. – Зачем они сюда отправили журналистов?

– Пленные, их, кстати, – Грегори замялся, – осталось уже двое, говорят, что общественность в бешенстве и люди хотят знать, что происходит в Ниагаре.

Дерек хмыкнул.

– Не уверен, что они *действительно* хотят об этом знать. Почему *двое*, где третий?

Грегори тяжело вздохнул, но не отвел взгляда от Дерека.

– Это Диего, он не удержался и вскрыл мужику вену. *Сильно* вскрыл.

Чертов Диего.

– Убил? – уточнил Дерек, чувствуя, как злость начала закипать в венах.

– Да.

– Много расплескал?

– Нет, он ведро подставил.

– Ладно. Но за оставшихся двух ты отвечаешь головой. Понял? Журналисты важны. Если они приехали сюда, чтобы осветить происходящее, то их будут ждать на поверхности.

– Мы и правда можем их обменять, – с надеждой произнес Грегори.

– Да.

У Дерека значительно повысилось настроение. Списки он решил посмотреть позже, и пододвинул к себе карточки. Он перекладывал их из одной стопки в другую и понимал, что это не просто журналисты, они приехали в Ниагар из разных стран, значит общественность сильно надавила на власти. На предпоследней карточке он остановился и словно попал в прошлое.

– Николь, – едва слышно прошептал он.

– Что? – переспросил Грегори.

– Это Николь, – сам себе сказал Дерек. – Где тела? – спросил он, вскакивая с места.

– На складе, рядом с хранилищем.

Дерек сорвался с места и бегом полетел на склад. На металлических столах лежали тела мужчин и женщин с трубками, выходящими из тел, кровь стекала в медицинские полиэтиленовые емкости. Дерек со странным мандражом проходил от стола к столу, но так и не обнаружил девушку, которую знал на протяжении нескольких лет. Виделись они редко, в основном когда она приезжала к отцу на базу или же когда их семья приглашала всех, кто находился под крылом Аарона, на барбекю.

Среди мертвых ее не было.

Дерек проверил пленников, но и там Николь не оказалось.

Он обернулся к Грегори.

– Двое военных, двое остались живы, четырнадцать тел. Итого восемнадцать человек, но журналистских карточек восемнадцать и плюс два военных – это двадцать. Двое сбежали, – договорил Дерек.

– Мы их найдем, – пообещал Грегори.

Дерек передал карточки Оливии и Николь в тонкие пальцы Грегори и проговорил загробным голосом:

– Николь – темноволосая, ее не трогать, она должна остаться в живых, если кто-то «не удержится», я выпотрошу его в этот же день, понятно?

– Понятно, – уверенно проговорил Грегори, внимательно смотря на улыбающееся с фотографии лицо. – Ты ее знаешь?

– Да, но значение имеет другое. Она дочь высокопоставленного человека, который сделает что угодно, чтобы вернуть ее домой.

Грегори кивнул и отправился собирать отряд для отлова счастливого билета для всех вампиров.

Глава четвертая

Бронированный внедорожник мчался по пустыне, оставляя позади песчаный тоннель и надежды Нокса на то, что он дочитает книгу, которую так и не успел добить в камере.

Луна освещала достаточно хорошо, чтобы Алан мог разглядеть изменения во внешнем виде когда-то зеленого участка суши.

Водитель тактично делал вид, что не слышит разговора на заднем сиденье. Умничка какой.

– Ты спустишься в контейнере с кровью, и туда же приведешь Николь, – проговорил взволнованный отец, прожигая Нокса взглядом.

Алан перестал пялиться в окно и перевел взгляд на человека, которого долгое время считал одним из самых родных и близких.

– Ты повторил это уже шесть раз. Я запомнил.

– Я в тебе не сомневаюсь, – устало признался Аарон. – Но…

– Ты переживаешь за нее. Это всем известный факт.

Всем. Кому – всем? Отряд Нокса знал это, но от отряда осталась только тень былого величия.

Аарон отбирал солдат по определенному своду условий и главное гласило – отсутствие семейных связей. Нет родителей, детей, братьев, сестер и жен. Чтобы после того, как их не стало, никто не пошел разбираться к властям, не поднимал шумиху в прессе и не нудел Аарону на ухо: «Почему вы не спасли моего сына, брата, мужа?».

Аарону удалось собрать группу, она носила особый статус «совершенно секретно» и периодически отправлялась на задания, о них мало кто знал – узкий круг лиц, которым было подвластно слишком многое, но они не могли светиться, чтобы не лишиться влияния.

Нокс вспомнил, когда впервые увидел Николь. Их отряд только прибыл с задания, оно едва не стало для них последним. В тот раз они задержались на неделю, а дочь ждала отца на базе, не покидая охраняемых стен.

Самолет сел, спустили трап… Алан увидел из иллюминатора, как высокая стройная девушка со всех ног, а они, к слову говоря, были на высоченных каблуках, неслась к самолету. Когда Нокс уже вышел из металлической пташки, то увидел, что Николь отчитывала отца за задержку. В ее голубых глазах стояли слезы, но ни одна так и не упала с длинных ресниц.

Это было пять лет назад…

В тот день Аарон познакомил ее с отрядом, находившимся под его опекой и руководством. Знакомство было официальным и холодным с ее стороны, но каждый член группы слышал о ней задолго до встречи.

Нокс достаточно часто видел Николь после того раза. У них был отпуск, но, по факту, практически все из отряда остались на базе, а Аарон приезжал туда каждый день, Николь его забирала. Нокс не вступал с ней в разговор, но ему было крайне любопытно наблюдать за девушкой. Казалось, она излучает какой-то внутренний свет и притягивает к себе поголовно всех, кто только смел попасть под ее чары.

И Нокс попал, даже будучи на расстоянии вытянутой руки.

Уверенная в себе, с чувством юмора, периодически черным, что Ноксу определенно нравилось. И, что греха таить, она была невероятно эффектной. Не один Нокс пустил по ней слюни, Дерек и Хэнк пытались приударить за ней в разные промежутки времени, но Николь они не интересовали. Ее интересовал Нокс. И он даже знал причину этого. Ведь Алан, в отличие от большей части отряда, делал вид, что Николь ему неинтересна. Долгое время они обменивались взглядами, улыбками и реже разговорами. Это была игра, в которую они добровольно вступили и получали от нее эмоции и возрастающее сексуальное напряжение.

Все изменилось на барбекю, которое Аарон организовал для всех из отряда. В тот вечер Нокс вышел на задний двор и сел у бассейна. В доме было слишком шумно. Хэнк театрально рассказывал случаи с заданий, не указывая мест и опуская жесткие детали, концентрируясь на легкости и смехе. И, конечно же, он немного увеличивал значимость своих поступков. В тот вечер Николь сама нашла Нокса и села рядом. Они разговаривали. Настолько долго, что солнце уже начало подниматься из-за горизонта. Нокс наблюдал за ней так близко, как никогда ранее…

– Остальных журналистов ты не собираешься вытаскивать? – спросил Нокс, отодвинув воспоминания.

– Не могу, – с печалью ответил Аарон, он не терпел жертв среди мирных жителей, но обстоятельства были сильнее его. – Свидетелей из Ниагара не должно быть.

– Почему? Какого черта вампиров еще не убрали с лица земли? – совершенно серьезно спросил Алан.

– Не могу сказать об этом.

Нокс наклонился к Аарону и, поймав взгляд заметно постаревшего мужчины, проговорил:

– Ниагар – бомба замедленного действия. И она обязательно рванет. Вы не можете держать их там вечно.

Аарон устало провел ладонью по лицу. Он сидел в обычной одежде, но по осанке и прямому взгляду в нем прослеживался военный.

– Их уничтожат, но не сейчас, – признался он.

– Как уничтожат? – допытывался Нокс.

– В стене, – взмахнув рукой, громче необходимого проговорил Аарон, – по всей ее протяженности есть отсеки с концентратом яда. Они просто… уснут.

«Такой себе сон», – подумал Нокс, но вслух спросил:

– Когда?

– Когда перестанут быть нужны правительству.

Нокс рассмеялся. Зло и совершенно наигранно.

– Они продолжают свои опыты. Чертовы идиоты, – прорычал он, вспоминая, как терял своих братьев одного за другим.

– Не нам с тобой спорить с учеными, правительством и заказчиками, – напомнил Аарон.

– Эти ученые убили слишком много людей в Ниагаре, чтобы я испытывал к ним хотя бы каплю уважения.

Аарон строго, как отец смотрит на сына, взглянул на Нокса.

– А ты сколько людей убил? – спросил он, напоминая о былых временах.

Нокс не отвел взгляда.

– Я сбился со счета за два года до Ниагара, – с ноткой злости признался он.

Аарон немного смягчился, но это было так глубоко в душе, что Нокс не смог этого рассмотреть в суровых чертах собеседника.

– Мы не лучше их, – сказал отец Николь.

– Тут я бы поспорил. *Я* лучше их.

Аарон обреченно покачал головой. Нокс всегда знал себе цену, иногда ставил ее выше приемлемой. Делал это и не стеснялся.

– Верни ее, – тихо попросил Аарон, и машина остановилась у пяти контейнеров.

Нокс наклонился вперед, и его лицо превратилось в холодную маску.

– Выполни обещания, и я верну Николь домой.

Аарон молча подал Ноксу ладонь, и они скрепили договор рукопожатием.

– Береги себя, – сказал Аарон пустому месту, когда Нокс уже вышел из машины.

Из всей команды Нокс был для Аарона ближе всех. Он был больше сыном, чем подчиненным. А ведь изначально, в момент их знакомства, Нокс категорически отказывался вступать в отряд. Он трижды говорил Аарону нет. Аарон до сих пор не понимал, почему возвращался к Ноксу и снова предлагал вступить в отряд, ведь до этого спокойно воспринимал отказы, но в этом парне было что-то, чего он ранее не видел в остальных военных, с которыми ему удалось поработать.

Нокс остановился у стены, отделяющей вампиров от людей и присвистнул. Выше, чем ему было нужно для плана, о котором он не сообщил Аарону.

Он бы хотел постоять тут немного, насладиться тишиной и свободой, но времени на это не было.

Нокс вошел в контейнер и скинул рюкзак на пол.

Он бы и без просьб сделал все возможное, чтобы вернуть Николь. Ей в Ниагаре не место.

Контейнер начали поднимать, и Нокс достал смартфон. Он смотрел на желтую мигающую точку на экране и надеялся, что Николь не потеряла телефон. Только благодаря перемещающейся точке, Аарон понял, что она жива. Нокс не стал пугать любящего отца и не сказал, что телефон может быть уже не у Николь. Да тот, явно, и сам думал об этом не один раз.

Тридцать часов.

У Нокса есть всего лишь тридцать часов на задание. После отведенного срока прибудут машины от президента. Необходимо успеть вытащить Николь до момента, пока управление не перешло от рук Аарона в чужие, ведь после этого спасти ее… возможности не будет.

Нокс опустил на лицо тепловизор с ночным зрением и нагло своровал из контейнера пять пакетов крови. Они ему пригодятся – это единственное, в чем он был уверен на сто процентов.

Глава пятая

Мы закрылись в комнате на первом этаже двухэтажного здания, оставив для себя единственный выход – окно. Когда-то это помещение было кабинетом банка, и из-за прикрученных к полу столов дверь на выход пришлось прижать собственной спиной.

Уже стемнело и пережитый адреналин начал спадать. Усталость навалилась на плечи и давила на них с невероятной силой.

– Я не верю, что это правда, – прошептала Оливия, сидящая у стены под окном.

Лунный свет из-за грязного по всем меркам стекла – единственное освещение, которое мы могли себе позволить. Он давал возможность рассмотреть помещение и усталость на лице напарницы.

Главное, что мы должны делать, – не привлекать к себе внимания.

Оливия слишком пристально смотрела на меня, черты ее лица в полумраке казались еще более острыми и стервозными.

– Что именно? – устало уточнила я, вытянув ноги.

Все тело ныло. Мышцы тянуло и скручивало. Боль была не из-за физической нагрузки, а из-за напряжения, в котором мы находились несколько часов. Даже сейчас, когда я пытаюсь расслабиться и выдохнуть спокойно, ничего не получается.

Мы только что пережили колоссальный стресс. Каждая мышца натягивалась до предела и не расслаблялась, пока мы не скрылись за дверью.

– Эти люди… они реально вампиры. Ты видела, что там происходило? Они нападали на нас и кусали. Убивали без причины.

Голос Оливии был тихим, она говорила заторможенно, словно не могла подобрать нужных слов, чтобы описать весь ужас, что нам удалось пережить.

– Причина есть всегда.

Она вскинула на меня растерянный взгляд и спросила:

– Какая?

– Голод? – предположила я. – Ненависть из-за того, что мы бросили их здесь? Я не знаю, что ими движет, но причина точно есть.

Оливия хмыкнула и принялась заплетать косу. Из-за беготни ее волосы превратились в растрепанное гнездо.

– Когда мне предложили поехать в Ниагар, я закатила вечеринку. Была так счастлива, что скоро стану еще более известной, а в итоге…

Еще мгновение и она разрыдается.

Этого нам только не хватало. Чем адекватнее мы рассматриваем перспективы и выходы для решения из нашего положения, тем выше шансы на выживание.

– У нас еще есть шанс вернуться, – попыталась убедить я, хотя самой в это верилось с трудом.

Два патрона.

Катастрофически мало.

Мне тоже страшно, но я не могу потерять опору под ногами и погрязнуть в безрадостных предположениях. Запрещаю себе. Упаднический настрой – прямая дорога к гробу.

– Но нам никто не разрешит рассказать о том, что мы увидели, – со злостью прошипела Оливия. – Я-то думала, что здесь действительно никого нет, а если и есть, то это бедные забитые люди, которым нужна помощь. Про монстров нам рассказать не дадут.

Не дадут. Тут я с подругой по несчастью была полностью согласна.

– А ты считаешь, что мир должен об этом знать? – аккуратно спросила я.

Я задавала себе этот вопрос на протяжении трех лет и даже писала статьи, но никогда никому их не показывала. Папа говорил, что людям небезопасно знать правду о Ниагаре. Они не справятся с ней.

– Конечно, – ответила Оливия. – Я бы хотела знать правду, чтобы быть готовой. А если они выберутся за пределы города? Что тогда? Даже страшно представить.

А я представляла, что будет. Этот вирус не остановить. Человек перестанет существовать, как биологическая единица. Мы вымрем, а что будет с вампирами? Без нашей крови они тоже умрут? Или смогут существовать без нас? Как-то же они протянули три года. Что ели? Друг друга?

Боже! Да я даже думать об этом не хотела.

В голове оказалось слишком много вопросов и скорее всего я не узнаю на них ответов. А даже если и узнаю, то толку от этого будет мало. Оливия права, нам не позволят рассказать правду ни в газете, ни по ТВ, ни по радио.

Хотя… если сделать это через интернет? Надо рассмотреть перспективу этого варианта. Но думать об этом рано, для начала нужно как-то выбраться.

– Я была здесь в день, когда все началось, – призналась я.

Не знаю, почему делала это именно сейчас и с Оливией, но я устала, что ни с кем не могу разделить бремя пережитого. Папа обрывает любой намек на эту тему. Людям я рассказать не смею. Меня либо сочтут сумасшедшей, либо не поверят. А если и поверят, то доказательств правдивости сказанного не существует. Меня, один черт, отправят в специализированную больницу, а оттуда я уже не выйду. Несмотря на влияние отца, над ним стоят куда более могущественные люди. Я даже с психологом не имела права об этом говорить. Вуалировала тему как могла.

– И ты вернулась, зная, что тут увидишь? – ошарашенно спросила Оливия. – Я бы отказалась от предложения. И вообще послала всех к чертям собачьим.

– Мне и не предлагали. От нашего канала должна была поехать другая журналистка, – призналась я.

Оливия нахмурилась.

– Тогда почему *ты* здесь?

Интересный вопрос. Если отвечать на него и ссылаться на сессии с психологом, то это незакрытый гештальт. Если смотреть со стороны журналистики – сенсация и продвижение по карьерной лестнице. Если отталкиваться от внутренних ощущений, то я не могу отрубить прошлое, зная, что *он* может быть здесь.

Бывает такое, что в один прекрасный день ты встречаешь человека и даже не общаясь с ним понимаешь, что вы подходите друг другу. Симбиоз происходит на уровне энергетики. Влечение сносит границы, а мысли постоянно возвращаются к нему.

Это невозможно объяснить, такое просто случается, и ты быстро ловишь себя на том, что периодически вспоминаешь его, думаешь о нем. Ищешь встреч. Но не показываешь виду, что заинтересована.

– Мне необходимо было убедиться в том, что тут происходит, – в итоге произнесла я.

– Для чего?

Глядя на Оливию, я видела в ней журналиста, который после нашего, пока что надуманного спасения, может использовать каждое сказанное мною слово в своих статьях.

Я не буду рассказывать ей про кошмары, которые не дают мне спать. Они пробираются даже сквозь снотворное и терзают меня ночь за ночью.

Я не буду рассказывать ей, что оставила в Ниагаре частичку себя и всю наивность, которая была у меня прежде.

Я не буду рассказывать ей, что здесь остался дорогой мне человек. И пока я не получу доказательства его смерти или жизни, то не смогу спокойно существовать дальше.

Я пробовала начать жить заново на протяжении трех лет.

Ничего не вышло.

Я провалила это задание.

– Ну и ладно. Не хочешь – не говори. Но я не понимаю, почему та, другая журналистка отдала тебе свое место. У нас в редакции все иначе, мы друг другу готовы глотки перегрызть, лишь бы урвать кусок побольше, – рассказала Оливия, закатив глаза и причмокнув.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.